

ПУБЛИКАЦИИ

Оригинальная статья / Original paper

<https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19>

УДК 94(5)+81.37

EDN: BBZKEL

МАРКЕР КАРА В ТЮРКСКОЙ ЭТНОНИМИКЕ XII В.

Д.М. Тимохин ✉, *В.В. Тишин*

Институт востоковедения РАН

Москва, Российская Федерация

✉ horezm83@mail.ru

Резюме. Цель статьи: статья посвящена рассмотрению некоторых аспектов проблемы образования и функционирования этнонимов с цветовыми маркерами в среде кочевнических тюркоязычных народов. Разбираются двухкомпонентные этнонимы, где слово, обозначающее название цвета, выступает в функции атрибутива. В научной литературе существует несколько точек зрения на практику использования таких маркеров и различные объяснения их набора и семантики. Авторы настоящей статьи исходят из соображения, что какие-либо универсалистские объяснения являются преждевременными и никакие обобщения не могут оказать помощи в раскрытии всех зарегистрированных в исторической и этнографической литературе конкретных примеров. Для каждого хронологического периода и конкретного региона практика использования цветовых маркеров имела свои особенности, будучи, по всей видимости, обусловлено разными факторами, которые следует выявлять непосредственно на узком конкретном материале. Непосредственно письменные источники, однако, прямых данных на этот счет почти не содержат.

Материалы исследования: авторами привлечен персоязычный источник XII в. «‘Эжд ал-‘Ола̄ ле’л-маукеф ал-а’ла̄», принадлежащий авторству Афзал ад-Дйна Керманӣ, сведения которого представляет собой редкий пример, позволяющий пролить свет на конкретный случай.

Результаты и новизна: приводимые в сочинении сведения о группе гуззов, прибывших в Керман из Хорасана, именуемых также в тексте именем кара гузз, позволяют утверждать, что, по меньшей мере, во второй половине XII в. среди племен огузского круга, как обозначающий вторичное сообщество, отколовшееся от исходного коллектива, собственно название которого представлено вторым элементом двухкомпонентного этнонима с цветовым маркером.

Ключевые слова: этнонимика, семантика, тюркские народы, кочевники, мусульманские источники

© Тимохин Д.М., Тишин В.В., 2024

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
The content is available under the license Creative Commons Attribution 4.0 License.

Для цитирования: Тимохин Д.М., Тишин В.В. Маркер *qara* в тюркской этнонимике XII в. // Золотоордынское обозрение. 2024. Т. 12, № 1. С. 8–19. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19> EDN: BBZKEL

Финансирование: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 23-28-00736 «Дешт-и Кыпчак и сопредельные оседло-земледельческие территории X–XIII вв.: опыт изучения взаимодействия культур (на материале письменных источников)», <https://rscf.ru/project/23-28-00736/> (ФГБУН Институт востоковедения РАН).

Использованы материалы по этнонимике, собранные В.В. Тишиным в сотрудничестве с Б.З. Нанзатовым (Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН).

THE MARKER *QARA* IN TURKIC ETHNONYMS OF THE 12TH CENTURY

D.M. Timokhin ✉, V.V. Tishin

Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Moscow, Russian Federation

✉ horezm83@mail.ru

Abstract. Research Objectives: This article is devoted to the study of some aspects of the problem of the origin of ethnonyms with color markers among the nomadic Turkic-speaking peoples. They are analysed only in regard to the two-component ethnonyms where the word denoting the name of the color is used as an attributive syntactically. In the academic literature, there are several views on the practice of using such markers and various explanations of their registry and semantics. The authors of the article proceed from the consideration that any explanations being imposed universally are premature and no generalizations can help to explain all the specific examples attested in the historical and ethnographic literature. They should be viewed for each chronological period and specific region since the practice of using color markers had its own characteristics, being, apparently, due to various factors. Thus, the marker should be identified directly with narrow specific source data. Written sources, however, contain almost no direct data to help in the problem. Research Materials: The authors of the article used a Persian-language source of the 12th century, “‘Ekd al-‘Olā le’l-mawkef al-a‘lā” by Afzal al-Dīn Kermānī.

Results and Novelty of the Research: Information presented in the source mentioned a rare example to allow light to be shed on a specific case. There is a passage about a group of Ghūzz had to arrive in Kermān from *Khurāsān*. They also are named in the text as *Qarā Ghūzz*. The fact allows to confirm that, at least in the second half of the 12th century among the tribes of the Oghuzs, the color marker *qara* was used to denote a secondary community that broke away from the initial collective, the name of which is represented by the second element of a two-component ethnonym with a color marker.

Keywords: ethnonymy, semantics, Turkic peoples, nomads, Muslim sources

For citation: Timokhin D.M., Tishin V.V. The marker *qara* in Turkic ethnonyms of the 12th century. *Zolotoordynskoe obozrenie=Golden Horde Review*. 2024, vol. 12, no. 1, pp. 8–19. <https://doi.org/10.22378/2313-6197.2024-12-1.8-19> (In Russian)

Financial Support: The research was carried out at the expense of the grant of the Russian Science Foundation No. 23-28-00736 «Desht-i Qipchak and adjacent settled agricultural territories of the 10th–13th centuries: the experience of studying the interaction of cultures (based on written sources)», <https://rscf.ru/en/project/23-28-00736/> (Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences).

They were used materials on ethnonymy analyzed by V.V. Tishin in collaboration with Bair Z. Nanzatov (Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences).

Введение

В среде кочевнических тюркских и монгольских народов достаточно распространены этнонимы с цветовой семантикой, иногда именуемые также цветовыми этнонимами. Под *этнонимами* следует широко понимать самоидентифицирующие названия коллективов разных форматов, представляющих подразделения различного таксономического уровня в рамках условной модели социальной организации сообщества. С точки зрения структуры образования, этнонимы с цветовой семантикой можно разделить на две группы: однокомпонентные, в которых собственно слово, являющееся самоназванием сообщества, обозначает какой-либо цвет, и двухкомпонентные определительные конструкции, где цветовой маркер представлен словом, выступающим синтаксически как определение. Этнонимы, характеризующиеся такими маркерами, встречаются среди тюркских и монгольских народов на протяжении длительного исторического периода и отмечены в разных географических регионах (см. хотя бы справочник: [4]).

В этнонимической номенклатуре тюркских народов наиболее часто регистрируются пять цветов: *qara* ‘черный’, *aq* ‘белый’, *qizil* ‘красный’, *jašil* ‘зеленый’ (ему может соответствовать *kök* ‘голубой’) и *sarıy* ‘желтый’ (более ограниченно используются *ala* ‘пестрый, пегий’, *boz* ‘серый’, *qir* ‘караковый’, обозначающие масти лошадей) [16, s. 112–113]¹. Чаще всего в среде сообществ, объединенных общей идентичностью, эти маркеры встречаются, по меньшей мере, парно: если зарегистрировано племенное подразделение с одним из таких маркеров, значит, с большой долей вероятности должно быть подразделение с другим цветовым обозначением. Значительное распространение имеет маркер *qara* ‘черный’, в паре с которым часто регистрируются *aq* ‘белый; сивый (о масти лошади)’, либо *sarıy* ‘желтый; бледный; соловый (о масти лошади)’, будучи, таким образом, семантически ему косвенно противопоставлены. При этом в ряде случаев маркеру *qara* не всегда можно найти цветовую пару. Интерпретацию всех таких явлений трудно свести к единым закономерностям.

Обоснования значения таких этнонимов, которые можно получить из устной традиции не являются убедительными, поскольку чаще всего отражают «народное» осмысление их носителей, как это происходит и в других случаях, когда то или иное название объясняется на основе формальных звуковых сходств, а само объяснение подкрепляется каким-нибудь преданием (каких подобным достаточно можно встретить у Махмұда ал-Кāшғарй в большей степени, например, у Рашид ад-Дйна или Абӯ’л-Ғāзй). Письменные источники, содержащие упоминания отдельных племенных названий с цветовыми маркерами, вплоть до так называемого Нового времени, когда сведения о племенном составе разных народов становятся предметом целенаправлен-

¹ Здесь и далее мы используем в качестве общих среднетюркские формы, подразумевая, что фонетический облик слов варьируется в зависимости от конкретного тюркского языка или наречия.

ного интереса исследователей, не предоставляют достаточного материала, на основе которого можно было бы выяснить природу каждого из них.

Дискуссия

Существуют разные объяснения семантики этих цветовых обозначений.

Касаясь элемента *qara*, Н.А. Аристов писал, что эпитет *черный* «помимо своего цветового значения, употребляется у тюрков Средней Азии в смысле низший, худший, а в применении к народностям и племенам означает младшую, подчиненную часть народа или племени» [1, с. 302, прим. 6]. Приводя в пример названия кара-киданей (как, по замечанию этого автора, называли их турки) и кара-калмаков, которые оба представляли собой в разное время отколовшиеся ветви более значительного по численности народа, сохранявшего исходное название, Н.А. Аристов интерпретировал таким же образом и название *qara türgiş* орхонских надписей. Последних, однако, уже В. Томсен удачно соотнес с одной из упоминаемых в китайских источниках групп тюргешских племен, известной как *хэй син* 黑姓 ‘черная фамилия’, которой противостояла группа, именуемая *хуан син* 黄姓 ‘желтая фамилия’ [24, p. 110, 158–159, note 48].

Дьюла Немет, автор концептуальной работы с существенным разделом, посвященным классификации этнонимов тюркских народов, разводил между собой двухкомпонентные наименования, в которых цветовой маркер мог относиться к основе, обозначающей предмет или признак, наличие которого лежало в основе названия (напр., *кара калтак*, *кара бёрклю* и т.п.), и собственно названия, связанные с мастью животных (напр., *ала йонтлу*, *кара койлы*, *ак койлы* и т.п.) [19, ol. 100, 101, 103]. Однако в работах Д. Немета вопрос о значении конкретных цветовых маркеров не разработан.

Напротив, Омелян Прицак, много внимания уделивший специальному разбору цветовой семантики у тюркских народов, утверждал, что в случаях существования одинаковых в своей основе наименований подразделений какого-либо сообщества, различающихся маркерами ‘черный’ и ‘белый’, первый, эквивалентный тюркскому *qara*, следует понимать как ‘настоящий, без примесей’ [21, s. 378]. О. Прицак собрал значительный материал, который должен был подтвердить возможности увязки цветовых маркеров как в этнонимике, так в топонимике и даже титулатуре с пространственно-географической ориентацией и административной иерархией [20]. А.Н. Кононов исходил из того, что цветовая семантика в этнонимике отражает указание на исходное географическое положение носителей соответствующего маркера по отношению к главенствующему племени [3, с. 167–169]. Однако подобные обобщающие построения не могут считаться убедительными, оказываясь ослабленными при ближайшем рассмотрении частных примеров, в каждом случае допускающих вариативные трактовки (см.: [16; 15, s. 430]). Следует для каждого частного случая устанавливать, в каких обстоятельствах какая из озвученных исследователями тенденций могла получить распространение.

Л.П. Потапов, отмечая элемент *qara* в составе племенных подразделений алтайцев, толкует его в значении ‘обыкновенный’, ‘обычный’ (противопоставляемый этнонимам с другими, не цветовыми детерминативами) [8, с. 30, 36]. Слово *qara* в тюркских языках имеет основную семантику «множественности, массовидности», поэтому в связи с восприятием «множества, массы»

как «совокупности одинаковых предметов, чего-либо однородного, без примесей» одно из развившихся вторичных значений – ‘простой, обыкновенный’ [9, с. 594–595], то есть фактически ‘(весь) остальной (кроме...)’, подразумеваемая контекстуальное и неявное противопоставление. С этой логикой пересекается замечание Г. Дёрфера, что, например, выражение *karā xān*, которое можно встретить как нарицательный эпитет у Абӯ’л-Ғазӣ в отношении локальных правителей или как титул, по которому в историографии получила название династия Караханидов, следует понимать как ‘обычный (низший) хан’ [15, s. 430].

Кочевникам степной Евразии, судя по всему, была известна некая пространственная цветовая символика, примерно соответствующая тому, что зафиксировано этнографами. Когда в 200 г. до н.э. *сюн-ну* 匈奴 окружили ханьского войско императора, они использовали систему разделения подразделений своей армии по масти лошадей: «Конники сюнну на западной стороне все сидели на белых конях, на восточной стороне – на серых с белым пятном на морде, на северной стороне – на вороных, а на южной – на рыжих лошадях» [5, с. 41]. Этот случай может объяснить также природу некоторых этнонимов, в основе которых лежит обозначение масти лошадей [19, ol. 100; 21, s. 380].

Из памятников древнетюркской рунической письменности известно о представлениях древних тюрков о четырехчастном делении мира – на «четыре угла» (*tört buluḡ*), при том для них была характерна восточная ориентировка по сторонам света («к стороне солнечного восхода»; ср. в текстах фразы, соотносящие понятия *ilgärü* ‘вперед’, *öñrā* ‘спереди, напротив’ и *kün toḡsuqı* ‘солнечный восход’ [14, p. 144, 189], а также свидетельства китайских источников о нахождении входа в юрту у тюрков с востока, напр.: [18, s. 10]). Эта традиция не претерпела значительных изменений в условиях кочевнического быта в последующем [25, s. 159–160].

Переводное буддийское сочинение *Sūtra Säkit Jükmäk* («Восемь переходящих свойств») древнейуйгурским письмом содержит перечень таких цветовых соответствий сторонам света: *soltun kök luu* (= кит. 左青龍) ‘слева (= на востоке) голубой дракон’, *oñdun aq bars* (= кит. 右白虎) ‘справа (= на западе) белый барс’, *küntün qızıl sayızyan* (= кит. 前朱雀) ‘с юга красная сорока’, *kidin qara ilan* (= кит. 后黑武) ‘на севере (букв. ‘сзади’, в других текстах обозначает ‘на западе’) черная змея’ [12, s. 111, 112, 150–151, Anm. 352]. Контекстуальное значение слова *kedin* ~ *kidin* показывает географическую переориентировку с востока на юг, очевидно, под китайским влиянием. Это произошло, видимо, не ранее поражения Уйгурской империи от кыркызов в 840 г., и такая же пространственная ориентация характерна в дальнейшем и для монгольских народов [21, s. 381, 382].

Оппозиция *qara* ‘черный’ и *sariḡ* ‘желтый’ в этнонимике, как замечено выше, выявляется уже с древнетюркской эпохи («черные...» и «желтые фамилии») у тюргешей), но не связана с противопоставлением черного и белого цветов – в енисейских надписях Е 11 и Е 45 в этом значении фиксируется оппозиция *qara* ‘черный’ и *ürün* ‘белый, светлый’ [14, p. 234]. Это значит, что противопоставление *qara* и *sariḡ* не было связано и с представлениями о социальной иерархии.

Противопоставление *qara* ‘черный’ и *aq* ‘белый’ изначально должно было развиваться в тюркских языках западного ареала, поскольку слово *aq*, фигурирующее изначально в источниках для обозначения масти лошадей [14, р. 75], где-то только после X–XI вв. повсеместно вытеснило в широком значении употреблявшееся в языках восточного ареала слово *ürüñ*, сохранившего свои свойства и исходную семантику теперь только в якутском языке [9, с. 600, 601].

Среди тюркских сообществ западного ареала зафиксированы случаи полного набора цветового спектра. Так, племена огузского круга знают этнонимы с элементами *qara*, *aq*, *qizil*, *boz*, но не *sari*, и не *gök* (см.: [22, Dizin. II]). Характерно существование в их среде этнонимов *qara qojunlu*, *aq qojunlu*, *qizil qojunlu*, *boz qojunlu*, отражающих все четыре цветообозначения, которые могут быть увязаны с географическим спектром. К подобной системе, видимо, восходят зафиксированные этнонимы *qara kăčili*, *aq kăčilu*, *qizil kăčili*. Здесь цветовые маркеры не связаны с окрасом животных, названия которых лежат в основе этнонима, а являются вторичными маркерами к уже существующему названию (в данном случае *qojunlu* ‘имеющие баранов’ или *kăčili* ‘имеющие коз’). Подобные случаи можно найти также у кыпчакских и карлукских племен, содержащих наименования с маркерами *kara*, *ak*, *sary*, иногда *kызыл* и *kёк* (см. реестры: [4]), но, по-видимому, не ранее, по крайней мере, XV в., поскольку они неизвестны по спискам того времени [10]. Следовательно, формирование этнонимов, основанных на такой лексической оппозиции *qara–aq*, ранее XI в. могло происходить только в западном ареале распространения тюркских языков. В разное время на различные комбинации сочетаемости цветовых маркеров могли оказать влияние разнообразные традиции, в том числе вызванные монгольским влиянием [7].

Конкретный пример своего времени: *кара гузз*

Вместе с тем, наименование *qara* имеет более общую и более распространенную семантику, подтвержденную конкретным примером и здесь для начала обратимся к сочинению начала XIII в. Мухаммада ибн Наджиба Бакрāна «Джāхан-нāмэ» [6]. В нем автор пишет о кара-хазарах следующее: «а хазар существует два племени: первое из них – белокожие и благообразные хазары, а другое племя [хазар] – смуглоликие, похожие на индусов, и именно их называют кара-хазарами. Народ русов точно также состоит из двух племен, внешние и внутренние, но все они белокожие. Рядом с хазарами есть область, которую там называют Сариром» [6, л. 266]. С нашей точки зрения, Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн сознательно сравнивает хазар и русов, подчеркивая, что в обоих случаях главным критерием разделение обеих этнических групп на две части является географическое положение или проживание одной составляющей по отношению к другой. Иначе говоря, данный пример скорее подтверждает приведенную нами выше точку зрения А.Н. Кононова. При этом, будучи относительно поздним компилятором, Мухаммад ибн Наджиб Бакрāн привел в «Джāхан-нāмэ» рассказ несомненно восходящий к гораздо более раннему сочинению Абū Исхāқа ал-Истахрī «Китāб масāлик ал-мамāлик», однако именно сравнение хазар и русов – в данном случае его, авторское, дополнение. «Хазары не похожи на Турок; они черноволосы и их два класса: одни называются “кара-хазары”; они смуглы, даже почти черные,

подобно индийцам; другой класс – белый, видный по красоте и наружным качествам», – писал ал-Истахрй [2, с. 49]. Вероятно, Мухаммад ибн Наджийб Бакрāн, более поздний автор, для того, чтобы дать хоть какое-то объяснение этнониму *кара хазар*, помимо того, что предложил сам ал-Истахрй, и привел сравнение двух племен хазар с двумя племенами русов. Впрочем, данный пример может показаться не совсем убедительным, поэтому далее следует обратить внимание на сравнительно редко встречающийся в мусульманской историографии этноним *кара гуззы*.

Данное наименование встречается в известном специалистам списке тюркских племен из сочинения «Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй» («Бахр ал-’ансāб») Моҳаммада ибн Мансӯра ибн Са’йда или Фахр-е Модаббера (Мобāракшāх) также написанном в начале XIII в. В издании текста этого источника, осуществленного сэром Эдвардом Денисоном Россом, *кара гуззы* (قرا غوز*) упоминаются в списке племен тридцать седьмыми после гуззов (غوز) и перед **токуз гуззами* (تغزغز*; рукописн. *тагузгуз*) [23, р. 47 (f. 30b–31a)]. Не должно смущать, что *кара гуззы* упоминаются в этом тексте в форме *кара гур* (قرا غور), что объясняется банальной ошибкой переписчика (или самого компилятора), который допустил ее и при написании названия одной из групп *гуззов*. Кроме того, у Фахр-е Модаббера в списке тюркских племен схожие типологически этнонимы группируются всегда вместе, как, например, *тибат* تبت и *кара тибат* قرا تبت (отношение которых к «тюркским» заслуживает особого объяснения) или *татар* تتر и *кара татар* قرا تتر [23, р. 47 (f. 30b–31a)]. К сожалению, данный реестр племен является компилятивным и, очевидно, включает разновременные сведения (ср.: [17, р. 230]), а его составитель не предлагает собственного пояснения цветовым маркерам, из которых, впрочем, в «Шаджара-йе ансāб-е Мобāракшāхй» упоминается лишь маркер *кара*. Однако для гораздо важнее тот факт, что этноним *кара гуззы* встречается еще в одном и при этом более раннем мусульманском источнике – сочинении XII в. «’Экд ал-’Олā ле’л-маукеф ал-а’лā» [11].

Упомянутый труд был написан Афзал ад-Дйном Кермāнй в 1188 г. и представлен им правителю Кермана – Малику Динāру. Последний был предводителем гуззов, которые захватили власть в этом регионе в 1185 г.: «В рамазане, 581 / декабрь 1185 г., когда вождь гуззов, Малик Динар, по приглашению эмира Моджахед ад-Дина Кухбонани двинулся на Керман и был ранен стрелой в лицо во время захвата замка Равар, Афзал написал стихи об этом инциденте, которые сохранились. Впоследствии, возможно, по рекомендации управляющего (вакиль ал-дар) Джамал ал-Дина, Афзал присоединился ко двору Малика Динара. Когда он отправился в Йезд за своей женой и детьми, он получил предложение от атабека Йезда стать секретарем суда и управляющим больницей Йезда, но он отказался и вернулся в Керман, где стал секретарем (дабиром) Малика Динара. Именно в это время (584/1188) Джамал ад-Дин, визир Кавам ад-Дин и глава духовенства (малик ал-’Улама’) Нур ад-Дин вдохновили его написать «’Экд ал-’Олā...», которую он посвятил Малику Динару» [13, р. 599].

Тем любопытнее, что находившийся на службе у правителя гуззов Афзал ад-Дйн Кермāнй упоминает в своем сочинении именно кара гуззов в рассказе о разорении последними Кермана. «И малик Туран-шах был падишахом уже при жизни собственного отца и [проявлял] мудрость и хитрость и доброе обраще-

ние и был защитником. Но сладкие речи чужаков, [слышанные им] во время путешествий, изменили его характер и, когда пришло время его владычества, предаваясь мечтаниям, которые не мог воплотить в жизнь, лишь принес ущерб во время своего правления, и Керман выбивался из сил. И мнение о том, что именно он является источником зла и причиной болезни само по себе укреплялось, однако он даже напротив – ежедневно продолжал совершать плохие поступки в отношении своей державы. Пороки амиров государства также удвоились, и заплата ложилась на заплату, и прервалось дыхание и надежда истребилась. Тогда его помощники из числа амиров и гулямов из-за своего положения, а также по причине того, что многие из его гулямов томились в заточении, из заточения и от наказания бежали, и подняли мятеж и таким образом свою судьбу взяли в свои руки. В месяце мехре шестьдесят восьмого года пришла ярость кара-гузов из безводных степей Хорасана и в противостоянии войско его (т.е. правителя Кермана – Д.Т., В.Т.) разбило, и его правление было окончено, а сам он руками своих собственных слуг был умерщвлен» [11, s. 50]. В тексте упоминается 568 г.х., то есть 1172–1173 г. н.э., что не соответствует времени вторжения войск Малика Динāра и упомянутые автором кара гуззы связаны, по всей видимости, с иным вторжением в пределы Кермана. Впрочем, далее в тексте «‘Экд ал-‘Олā...» автор пишет следующее: «Когда год восемьдесят первый заканчивался и приближался восемьдесят [второй] год, глаза карагузов обратились в сторону Кермана, и все добро Кермана попало к ним в руки, и разрушили постройки, и внесли сумятицу, и разрушили [все вокруг] и знать Кермана бежала в город Бардсир. И [именно] в том месте [Бардсире] падишах вместе с несколькими гулямами и незначительным и весьма ограниченным количеством вооруженных людей пытался полностью совладать с угрозой [для себя] и со страданиями – для райатов (т.е. крестьян – Д.Т., В.Т.). Тогда некий достойный человек, испытав от такой ситуации отвращение, и дал по этому поводу следующий ответ и сообщил, что причина бедствий заключается в слабости правителя и мудрецы сказали, что падишах – это, тот, кто пожирает войско и райатов, а не тот падишах, кого собственное войско и райаты съели. Иначе говоря – падишах должен быть подобен грифу, вокруг которого падаль, а не падалью – вокруг которой грифы» [11, s. 52]. Таким образом, собственно гуззы в тексте этого источника не упоминаются, а вместо них автор использует именно название *кара гуззы*.

Таким образом, сочинение Афзал ад-Дйна Кермāнī «‘Экд ал-‘Олā...» представляет собой уникальный пример того, как мусульманский историк, желая того или нет, дает нам ответ на вопрос относительно значения маркера *кара* в названиях кочевнических тюркских племен. После событий «огузской смуты» 1153 г. и последовавших за этим событий основная часть гуззов продолжала оставаться в пределах Хорасана и Мавераннахра, принимая участие в борьбе за «сельджукское наследство» на стороне то одной, то другой локальной династии. Однако часть гуззов откочевала южнее и вторглась в Керман, где и сумела захватить власть, но при этом стала проживать отдельно от основной части племенного объединения, в результате чего и получило маркер *кара*. Как мы отмечали выше, Афзал ад-Дйн Кермāнī служил гуззскому правителю Кермана, поэтому употребление им названия *кара гузз* могло означать лишь понимание им того факта, что пришедшие в Керман гуззы представляют собой отдельное объединение и их нужно маркировать иначе, не-

жели тех из них, кто продолжал оставаться в пределах Хорасана и Мавераннахра.

Заключение

Результаты изучения практики использования цветовых маркеров в этнонимике тюркских народов пока не дают общих ответов, позволяющих выявить какие-либо универсальные закономерности. Скорее следует предполагать, для каждого периода и региона имелись свои особенности, обусловленные во многом специфическим историко-культурным контекстом. Для периода не позднее второй половины XII в. имеется конкретный пример, подтверждающий возможность интерпретации, по меньшей мере, в огузской среде слова *кара*, выступающего в функции атрибутива в составе двусоставного племенного названия, как обозначающий вторичную общность, отколовшуюся от исходного коллектива, название которого заключено в втором элементе этого этнонима с цветовым маркером. При этом источниками не зафиксировано какого-либо противопоставляемого ему цветового маркера.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Аристов Н.А. Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности // Живая старина. 1896. Т. 6. Вып. III–IV. С. 277–456.
2. Караулов Н.А. Сведения арабских географов IX и X веков по Р.Х. о Кавказе, Армении и Азербайджане // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. XXIX. Тифлис: Упр. Кавказского учебного окр., 1901. С. 1–73.
3. Кононов А.Н. Семантика цветообозначений в тюркских языках // Тюркологический сборник. 1975. Памяти С.Е. Малова / ред. кол.: А.Н. Кононов (отв. ред.), С.Г. Кляшторный, Ю.А. Петросян, С.С. Цельникер. М.: Наука, 1978. С. 159–179.
4. Лезина И.Н., Суперанская А.В. Ономастика: словарь-справочник тюркских родоплеменных названий: в 2 ч. М.: Ин-т этнологии и антропологии им. Н.Н. Миклухо-Маклая РАН, 1994. Ч. 1–2. 466 с.
5. Материалы по истории сюнну (по материалам китайских источников) / предисл., пер. и примеч. В.С. Таскина. М.: Наука, 1968. Вып. 1. 283 с.
6. Мухаммад ибн Наджиб Бакрэн. Джахан-намэ (Книга о мире) / Издание текста, введение и указатели Ю.Е. Борщевского. М.: Наука, 1960. 22, 144 с.
7. Тишин В.В., Нанзатов Б.З. Цветовая символика в тюркской этнонимике // Атлас «Символика Тюркского мира» (в печати).
8. Потапов Л.П. Этнический состав и происхождение алтайцев. Историко-этнографический очерк. Л.: Наука, 1969. 196 с.
9. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика / отв. ред. Э.Р. Тенишев. 2-е изд., доп. М.: Наука, 2001. 822 с.
10. Султанов Т.И. Кочевые племена Приаралья в XV–XVII вв. (вопросы этнической и социальной истории). М.: Наука, 1982. 135 с.
11. Afzal al-Dīn *Kermānī*. Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-a'lā / Ed. by Bastani Parizi. Tehran: Rouzbehan, 1977. 184 s.
12. Bang W., Gabain A. (von), Rachmati G.R. Türkische Turfan-Texte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk // Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse. Berlin, 1934. Bd. X. S. 93–192.

13. Bāstānī Pārīzī M.E. AFẒAL-AL-DĪN KERMĀNĪ // Encyclopædia Iranica / Ed. by E. Yarshater. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I. Fasc. 6. Bakṭīārī Tribe II–Banān. P. 599.
14. Clauson G. An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
15. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. Bd. III. Türkische Elemente im Neupersischen. (2), 670 s. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI).
16. Gabain A. (von) Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung // Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. S. 111–117.
17. Golden P.B. An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. (Turkologica. Bd. 9).
18. Liu Mau-Tsai. Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-küe). Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. Texte. 484 S. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10); II. Buch. Anmerkungen, Anhänge, Index. S. 485–831. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10).
19. Németh Gy. A honfoglaló Magyarság kialakulása / közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397 ol.
20. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik // 60. Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan Armağan / Symbolae in Honorem Z.V. Togan. İstanbul, 1950–1955. S. 239–363.
21. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen // Saeculum. 1954. Bd. 5. S.376–383.
22. Sümer F. Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları. 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. XXV, 532 s.
23. Ta'rih-i Fakhru'd-Din Mubârakshâh, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubârakshâh Marvar-rûdî completed in A.D. 1206 / Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic society, 1927. 104 p.
24. Thomsen V. Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées. Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V).
25. Vámbéry H. Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen. Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. VIII, 276 S.

REFERENCES

1. Aristov N.A. Notes on the Ethnic Composition of the Turkic Tribes and Peoples and Information about their Numbers. *Zhivaia starina = Living Antiquity*. 1896, t. 6, fasc. 3–4, pp. 277–456 (In Russian)
2. Karaulov N.A. Information Given by Arab Geographers of the 9th and 10th centuries A.D. about the Caucasus, Armenia and Azerbaijan. *Collection of Materials for the Description of Localities and Tribes of the Caucasus*. Vol. 29. Tiflis: Upravlenie Kavkazskogo uchebnogo okruga, 1901, pp. 1–73 (In Russian)
3. Kononov A.N. Turkological collection. 1975. In Memory of S.E. Malov. Ed. by A.N. Kononov (ed.-in-chief), S.G. Kljashtorny, Iu.A. Petrosian, S.S. Tsel'niker. Moscow: Nauka, 1978, pp. 159–179 (In Russian)

4. Lezina I.N., Superanskaia A.V. Onomastic: Dictionary-Reference on Turkic Tribal Names: in 2 parts. Moscow: Institut etnologii i antropologii im. N.N. Miklukho-Maklaia RAN, 1994. Vol. 1–2. 466 p. (In Russian)
5. Materials on the History of Xiōngnú (Based on Chinese Sources' Data. Transl. by V.S. Taskin. Moscow: Nauka, 1968. Vol. 1. 283 p. (In Russian)
6. Muḥammad ibn Najīb Bakrān. *Jahān-nāme (Kniga o mire)* [Jahān-nāme (Book about the World)]. Publ., introd., indexes by Iu.E. Borshchevskii. Moscow: Nauka, 1960. 22, 144 p. (In Russian)
7. Tishin V.V., Nanzatov B.Z. Color Symbolic in Ethnonymy among Turkic Peoples. *Atlas: "A Symbolism of Turkic World"* (In Press) (In Russian)
8. Potapov L.P. An Ethnic Composition and Origin of Altay People. Essays on History and Ethnography. Leningrad: Nauka, 1969. 196 p. (In Russian)
9. A Comparative-Historical Grammar of Turkic Languages. A Lexical Fund. Ed. by E.R. Tenishev. 2nd ed. Moscow: Nauka, 2001. 822 p. (In Russian)
10. Sultanov T.I. Nomadic Tribes of Aral Region in 15th–17th centuries: Issues of Ethnic and Social History. Moscow: Nauka, 1982. 135 p. (In Russian)
11. Afzal al-Dīn Kermānī. *Ketab-e 'Eqd al-'olā le'l-mawqef al-'alā*. Ed. by Bastani Parizi. Tehran: Rouzbehan, 1977. 184 p. (In Persian)
12. Bang W., Gabain A. (von), Rachmati G.R. Türkische Turfan-Texte. VI. Das buddhistische Sūtra Säkiz yükmäk. *Sitzungsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften. Philosophisch-Historische Klasse*. Berlin, 1934. Bd. X. S. 93–192. (In German)
13. Bāstānī Pārīzī M.E. AFZAL-AL-DĪN KERMĀNĪ. *Encyclopædia Iranica*. Ed. by E. Yarshater. London; Boston: Routledge & Kegan Paul, 1985. Vol. I. Fasc. 6. *Baktiāri Tribe II–Banān*. P. 599.
14. Clauson G. *An Etymological Dictionary of Pre-Thirteenth-Century Turkish*. Oxford: Clarendon Press, 1972. xlviii, 989 p.
15. Doerfer G. *Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen unter besonderer Berücksichtigung älterer neupersischer Geschichtsquellen vor allem der Mongolen- und Timuridenzeit*. Wiesbaden: Franz Steiner Verlag, 1967. Bd. III. *Türkische Elemente im Neupersischen*. (2), 670 S. (Akademie der Wissenschaften und der Literatur: Veröffentlichungen der Orientalischen Kommission. Bd. XVI). (In German)
16. Gabain A. (von) Vom Sinn symbolischer Farbenbezeichnung. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*. 1962. T. XV. Fasc. 1–3. S. 111–117. (In German)
17. Golden P.B. *An Introduction to the History of the Turkic Peoples: Ethnogenesis and State-Formation in Medieval and Early Modern Eurasia and the Middle East*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1992. 483 p. (Turkologica. Bd. 9).
18. Liu Mau-Tsai. *Die chinesischen Nachrichten zur Geschichte der Ost-Türken (T'ü-kü)*. Wiesbaden: Otto Harrassowitz, 1958. I. Buch. *Texte*. 484 S. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10); II. Buch. *Anmerkungen, Anhänge, Index*. S. 485–831. (Göttinger asiatische Forschungen: Monographienreihe zur Geschichte, Sprache u. Literatur d. Völker Süd-, Ost- u. Zentralasiens. Bd. 10). (In German)
19. Németh Gy. *A honfoglaló Magyarság kialakulása*. Közzéteszi Á. Berta. Második, bővített és átdolgozott kiadás. Budapest: Akadémiai Kiadó, 1991. 397. o. (In Hungarian)
20. Pritsak O. «Qara», Studie zur türkischen Rechtssymbolik. 60. *Doğum Yıldönümü Münasebetiyle Zeki Velidi Togan Armağan / Symbolae in Honorem Z.V. Togan*. İstanbul, 1950–1955. S. 239–363. (In German)
21. Pritsak O. Orientierung und Farbsymbolik: Zu den Farben- bezeichnungen in den altaischen Volkernamen. *Saeculum*. 1954. Bd. 5. 376–383. (In German)
22. Sümer F. *Oğuzlar (Türkmenler): Tarihleri, Boy Teşkilâtı, Destanları*. 2. bk. Ankara: Ankara Üniversitesi Dil ve Tarih-Coğrafya Fakültesi Yayınları, 1972. XXV, 532 s. (In Turkish)

23. *Ta'rikh-i Fakhru'd-Din Mubarakshah, Being the Historical Introduction to the Book of Genealogies of Fakhru'd-Din Mubarakshah Marvar-rud'i completed in A.D. 1206.* Ed. by E. Denison Ross. London: Royal Asiatic Society, 1927. 104 p. (In Persian)

24. Thomsen V. *Inscriptions de l'Orkhon déchiffrées.* Helsingfors: Impr. de la Société de littérature finnoise, 1896. 224 p. (Mémoires de la Société Finno-ougrienne. T. V). (In French)

25. Vámbéry H. *Die primitive Cultur des Turko-Tatarischen Volkes auf Grund Sprachlicher Forschungen.* Leipzig: F.A. Brockhaus, 1879. VIII, 276 S. (In German)

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Дмитрий Михайлович Тимохин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: horezm83@mail.ru

Владимир Владимирович Тишин – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Институт востоковедения Российской академии наук (107031, ул. Рождественка, 12, Москва, Российская Федерация). E-mail: tihij-511@mail.ru

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Dmitry M. Timokhin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: horezm83@mail.ru

Vladimir V. Tishin – Cand. Sci (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (12, Rozhdestvenka Str., Moscow 107031, Russian Federation). E-mail: tihij511@mail.ru

Поступила в редакцию / Received 20.12.2023

Поступила после рецензирования / Revised 03.02.2024

Принята к публикации / Accepted 04.03.2024